

Особый интерес у ссыльных революционеров вызывал вопрос о роли еврейского населения в жизни Сибири. Ссыльные меньшевики В.С. Войтинский и А.Я. Горнштейн издали в 1915 г. книгу «Евреи в Иркутске». В первой ее части были исследованы вопросы расселения евреев по Сибири, возникновения еврейских колоний и их развития. Войтинский отметил, что переселение евреев в Сибирь началось с середины XVII в., и было связано с колонизацией присоединенных к России восточных территорий. Несмотря на противодействие царских властей («В Сибирь евреев не пускать» — негласное правило), еврейские торговцы с первых лет освоения прочно обосновались в Сибири. Доля евреев в населении Иркутской губернии в конце XIX—начале XX вв. составляла около 2%, в самом Иркутске — около 6%. Им принадлежало 15% недвижимости, на их долю приходилось 20% торгового оборота (*Войтинский В.С., Горнштейн А.Я. Евреи в Иркутске. Иркутск, 1915. С. XIV, 42*). На основе конкретных фактов и цифр В.С. Войтинский раскрыл роль еврейского населения в хозяйственном и культурном развитии губернии, показал особенности взаимоотношения евреев с местным населением и администрацией.

Приведенные примеры свидетельствуют, что политические ссыльные, оказавшись волею обстоятельств в Сибири, не только продолжали вести борьбу с самодержавием, но и активно изучали развитие и состояние хозяйства этого обширного региона. Они обращались к прошлому, пытались найти общее в экономическом развитии России и Сибири. Но их большее внимание было сосредоточено на глубоком анализе современного им положения в экономике Сибири, где вызревали предпосылки радикальных перемен, к которым стремились революционные круги.

А.М. КУРЫШОВ

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX СТОЛЕТИЙ В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМЫ ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА

Межэтнические отношения — субъективно переживаемые отношения между людьми разных национальностей, этническими общностями. Они проявляются в установках и ориентациях на межэтнические контакты, в стереотипах поведения и мышления отдельных индивидов и целых этнических общностей.

Изучение межэтнических отношений особо актуально в условиях многонациональной страны. Обращение к историческому опыту при таком изучении не только желательно, но и обязательно, ибо характер

межэтнических отношений складывается, в том числе, в зависимости от исторического прошлого.

История межэтнических отношений на территории Иркутской области, к счастью, не знает серьезных конфликтов, однако это не означает, что в этой сфере вовсе не было и нет проблем. В наши дни некоторые представители национальных объединений приходят к выводам о том, что история взаимоотношений русского и коренных народов Сибири сводилась к угнетению первым последних (*Горишный Д.А. Прежде чем исходить у соседей, загляни в свой сундук... (Очерки тувинского и бурятского национализма) // Журнал «Самиздат» [Электронный ресурс]. URL: http://zhurnal.lib.ru/g/gorishnyj_d_a/separatism1.shtml*). Эти настроения получают теоретическую поддержку и из-за рубежа. Виднейший западный исследователь истории Бурятии Роберт Рупен (очень уважаемый в националистических бурятских кругах человек) прямо пишет, что «русские в своем великом продвижении через Сибирь к Тихому океану сражались и победили бурят в середине XVII в., и с тех пор русские взяли на себя административное руководство в бурятских делах» и «поселение русских крестьян на бурятских землях особенно в конце XIX и начале XX вв. привело к распространению русского языка и обычаев, но также было причиной сильной антирусской реакции» (*Книга Роберта Рупена // Сайт бурятского народа [Электронный ресурс]. URL: http://wiki.buryatia.org.Книга_Роберта_Рупена*).

Одна из проблем русско-бурятских отношений исследователями (в том числе упомянутым Р. Рупеном) связывается с проведением на территории Иркутской губернии в конце XIX–начале XX вв. реформы землеустройства, в ходе которой буряты потеряли значительную часть используемых земель. «...Землеустройство иркутских бурят было превращено в простой грабеж, в циничное, откровенно грубое насилие, попарение самых кровных интересов бурят», — отмечалось в постановлении апрельского 1917 г. съезда бурят Иркутской губернии по земельному вопросу (*Национальное движение в Бурятии в 1917–1919 гг. Документы и материалы. Улан-Удэ: Изд-во ОНЦ «Сибирь», 1994. С. 13*). И.И. Осинский говорил о потере иркутскими бурятами 53,3% своих земель, Л.М. Дамешек упоминает о сокращении земельных наделов бурят в результате землеустроительных работ на 944 815 десятин, или на 47% (*Осинский И.И. Исторические особенности социальной структуры бурятской народности в дооктябрьский период // Бур. пед. ин-т им. Д. Банзарова. Уч. записки. Вып. XXXV. Улан-Удэ, 1970. С. 178; Дамешек Л.М. Аграрная политика правительства и народы Сибири на рубеже XIX–XX вв. // Дуловские чтения, 1997 года: Тезисы докладов и сообщений. Иркутск, октябрь 1997 г. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 1998. С. 66*). В связи с этим интересно хотя бы кратко проанализировать состояние межэтнических (русско-бурятских отношений) в условиях реализации реформы.

Первый вопрос: отношение к реформе землеустройства бурятской интеллигенции. Оно крайне отрицательно. Земельная реформа, предполагавшая ограничение землепользования 15 десятинами на душу, не просто вызывала в среде молодой бурятской интеллигенции резкое неприятие, — она ассоциировалась с наступлением российской государственности на исконные права коренного населения. Именно с земельной реформой, распространившейся с начала XX в. и на Забайкалье, исследователи бурятской интеллигенции связывают формирование феномена бурятского национализма (Упкунов И.Ю. *Национальная интеллигенция на рубеже двух империй: 1900-1930 гг. // Сайт Клуба молодых ученых «Альянс»*. [Электронный ресурс]. URL: <http://kmualliance.h1.ru/index.php?thread=articles&page=48>). Его ярчайшими представителями были Б.Д. Очиров, М. Богданов, Ц. Жамцарано, Э.Д. Ринчино. Их авторитет среди бурятского населения был во многом основан на критике земельной реформы, и на первых общебурятских съездах, прошедших в 1905 г., требования развития культуры и национального самоуправления выдвигались вкупе с требованиями остановки землеустроительных работ. Главным аргументом выступало утверждение о нехватке земель для ведения традиционного скотоводческого хозяйства. Утверждалось, что исследования бурятского быта, в том числе хозяйственная перепись сельского населения 1887–1889 гг., не осветили всех сторон жизни бурят, которые являются, по своей сути, прежде всего скотоводами, а уже потом земледельцами. Но при этом требования национальной автономии никогда не перерастали в *антирусские* лозунги, а критика действий властей — в критику *русского народа*. Мало того, даже в среде самой бурятской интеллигенции не было единства по поводу степени самостоятельности. Так, например, М. Богданов первоначально выступал против отдельных от русских органов местного самоуправления, за что был критикуем своими соратниками. Положение об особых бурятских административно-территориальных единицах было сформулировано на общегубернском бурятском съезде в Иркутске в 1905 г., и в последующем не раз поднималось на страницах печати. Один из бурятских уполномоченных, глава Аларского ведомства М. Бадмаев, в 1911 г., в преддверии реорганизации некоторых ведомств, в том числе Аларского, утверждал: «Составление волостей из чуждых по духу народностей вызовет недоразумения на почве взаимного непонимания, уклада жизни, обычаев и нравов» (ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 378. Л. 5; НАРБ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 583. Л. 31). Но, во всяком случае, никто не подвергал сомнению наличие условий для разностороннего развития народов, населяющих Россию, так как в России заложены основы для «разнообразия в единстве» (Богданов Г.Н. *Бурятское население Иркутской области (губернии) и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа в XX веке // Бурятское население Иркутской области (губернии) и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа в XX веке: Материалы*

межрегиональной науч.-практ. конф. Иркутск, 7–8 июня 2001 г. Иркутск: Изд. ОАО «Иркутская областная типография № 1», 2002. С. 27).

Второй вопрос: отношение к реформе бурятского населения. Оно неоднозначно. В самом начале реформы, в 1899 году, когда только начали производиться съемки местности, 16 бурятских ведомств губернии из 33, существовавших на тот момент, т.е. почти 50%, подали прошения о приостановке землеустроительных работ (*Дамешек Л.М. Землеустройство бурятского крестьянства Иркутской губернии (1896–1917 гг.) // Социально-экономическое развитие Бурятии: XVII–начало XX вв. Новосибирск: Наука, 1987. С. 87*). В результате реформа была фактически остановлена. Но такое отношение не было всеобщим правилом. Еще на заре реформы, в 1898 г., когда работы по землеустройству еще не начались, 480 душ мужского пола Аларского ведомства ходатайствовали о переводе их из кочевых в разряд оседлых «инородцев». Из числа этих бурят была создана отдельная Грязнутская волость. В 1904 г. землеустройство было фактически завершено в Бардинском отдельном сельском обществе Иркутского уезда, «инородцы» общества причислены к оседлому населению, а само общество преобразовано в волость. Неоднократно хлопотали об открытии землеустроительных работ жители Еланцинского ведомства Верхоленского уезда (фактически работы начались там только в 1916 г.) (*Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 17. Оп. 1. Д. 545. Л. 16, 18; Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 99, 119, 217*). С началом форсированного землеустройства в 1907–1908 гг. количество прошений о приостановке землеустроительных работ заметно снизилось. Вместе с тем, увеличилось число ходатайств с просьбой о начале землеустройства. Так, в 1907 г. такое ходатайство было представлено Торским ведомством Иркутского уезда. Прощение мотивировалось непрекращающимися земельными спорами между родами. В 1909 г. с просьбой о «перемерке» земель выступили «инородцы» Верхнекудинского ведомства Верхоленского уезда. По просьбе самих «инородцев» в 1916 г. начались землеустроительные работы в Еланцинском ведомстве (*ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 172–175; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1797. Оп. 1. Д. 542. Л. 184–185*). В ходе встреч производителей работ с населением выяснялось, что многие простые бурятские крестьяне ведомств, от которых в 1899 г. поступили прошения о прекращении землеустроительных работ, либо ничего не знали об этих ходатайствах, либо относились к ним равнодушно. В случае с Куйтинским ведомством оказалось, что неправильно был составлен общественный приговор, — на самом деле жители этого ведомства никогда не отказывались от землеустройства. В ошибке был обвинен письмоводитель инородной управы (*ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 76, 79, 83, 209*). После разъяснения выгод землеустройства, «инородцы», как правило, соглашались на его проведение. Иногда столкновения представителей админист-

рации и инородцев принимали довольно серьезный оборот. Вот выдержка из письма чиновника особых поручений при Переселенческом Управлении Кременерса Иркутскому генерал-губернатору по поводу образования волостей у инородцев (1912 г.): «В Аляте толпа бурят под предводительством Иннокентия Тумурхунова так неистовствовала, что я, почувствовав близкую возможность оскорбления действием, вынужден был одного из бурят отстранить резким жестом и даже помахать перед собой маленьким браунингом для освобождения себе пути к переселенцам, которые... негодовали против... агрессивного... поведения бурят» (ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 378. Л. 16–17). Но никогда эти столкновения не перерастали в кровопролитие, и никогда они не были связаны с этническими противоречиями, — это были выступления против администрации, чиновников.

Конечно, определенные трения между русскими и бурятами возникали. Например, иногда буряты обвиняли русских в конокрадстве (*Восточное обозрение*. 1899. № 242. 10 нояб. С. 2); возникали споры, связанные с межеванием земель, арендой (НАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 547. Л. 1–2; Д. 595. Л. 1; Ф. 201. Оп. 1. Д. 54. Л. 1–2). Но это всегда были хозяйственные споры, без националистической подоплеки. С другой стороны, в годы Первой мировой войны, например, «инородцы» являли примеры настоящего российского патриотизма, чего от них власти, уверенные в сепаратистских настроениях бурят, никак не ожидали (*Богданов Г.Н. Указ. соч. С. 28; Всеподданнейший отчет Иркутского генерал-губернатора за 1906–1907 гг. Иркутск, 1908. С. 5*).

Выводы:

1. Взаимоотношения двух народов — русского и бурятского — всегда были братскими. Как бы сегодня не критиковали советскую историческую науку, это показал еще Е.М. Залкинд в своем капитальном труде «Присоединение Бурятии к России», основанном почти исключительно на архивных источниках (*Залкинд Е.М. Присоединение Бурятии к России / Е.М. Залкинд. Улан-Удэ: Бурятское книжиздат, 1958. 317 с.*). Буряты выступали не против русского народа, а против политики властей, причем зачастую — вместе с русскими. Что касается реформы землеустройства, то она коснулась не только инородческого, но и русского старожильческого крестьянства. А на изъятые земли приезжали не только переселенцы-русские. Это вопрос не межэтнического противостояния, а столкновения государства и населения.

2. Равно и бурятская интеллигенция (кстати, воспитанная на демократических идеалах русской сибирской интеллигенции), временами доходившая в своих политических требованиях до самой широкой автономии бурятских земель, никогда не выступала против русского народа, — лишь против проводившейся правительством русификации.

3. Столкновения между русскими и бурятами имели случайный, а не закономерный характер, не выходили далее бытового уровня и имели

почти исключительно хозяйственную природу. В этом смысле показателен пример русских крестьян Кокоринского селения Манзурской волости. До реформы землеустройства они арендовали земли у соседей-«инородцев». После начала реформы часть «инородцев» лишилась излишков земель, переданных переселенцам. Те также готовы были сдавать земли в аренду кокоринцам, но гораздо дороже. В итоге кокоринцы арендовали земли у тех «инородцев», которых реформа еще не коснулась (*Сибирь. 1911. № 18. 23 янв. С. 3*). И те не спрашивали, какой национальности арендаторы.

У России, особо — в Сибири, богатый *позитивный* опыт сосуществования разных народов. Опыт этот представляет собой не застывшую, а динамичную модель, изменяющуюся во времени. Уникальность этого опыта заключается, в том числе, в сохранении всех коренных народов Сибири до нашего времени; распространении образованности, приобщение сибирских народов к европейской культуре, формирование национальной интеллигенции; отсутствию сколь-нибудь значимых сепаратистских организаций и настроений в Сибири как среди коренного, так и среди славянского населения (при сохранении проблемы отношений регионов и центра). И этот опыт необходимо изучать и ценить.

М.Д. КУШНАРЕВА

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ПУШНОЙ ТОРГОВЛИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Северо-восточная Сибирь являлась основным поставщиком пушнины на мировой рынок до начала Первой мировой войны. Прибыль, поступающая от продажи мехов за границу, составляла важнейшую доходную статью российского бюджета. С началом военных действий, правительство России издало ряд нормативных актов, препятствовавших экспорту российской пушнины. Под давлением крупнейших предпринимателей в сфере торговли пушниной, российское правительство в 1916 г. издало нормативный акт в виде списка, содержавшего наименования мехов, разрешенных к вывозу в нейтральные страны. Однако, огромное количество вопросов в сфере организации пушной торговли, подлежавших законодательному регулированию правительством разрешено не было. С целью привлечения внимания правительства к проблемам развития пушной торговли в 1916 г. в Нижнем Новгороде было созвано совещание при ярмарочном комитете, под председательством члена Государственной Думы А.С. Салазкина. В совещании приняли участие представители Министерства Финансов, ревизор Департамента Таможенных сборов В.К. Дзержговский, Министр Земледелия, старший специалист по охоте Г.Г. Доппельмайер и сотрудник Департамента Земледелия В.Я. Генеро-